

УДК 94 (47) «1916»

В. В. Соловьёв

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

РУМЫНСКИЙ ФРОНТ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД СВОЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ (сентябрь – декабрь 1916 г.)

Проаналізовано причини та реконструйовано хід подій, які призвели до поразки румунсько-російських військ восени 1916 р. та утворення єдиного союзного фронту.

Ключові слова: румунський фронт, Перша світова війна, головнокомандуючий, армія.

Проанализированы причины и реконструирован ход событий, которые привели к поражению румынско-русских войск осенью 1916 г. и созданию единого союзного фронта.

Ключевые слова: румынский фронт, Первая мировая война, главнокомандующий, армия.

The course of events and reasons that led to the defeat of the romanian-russian forces in autumn 1916 and the creation of a union front are considered.

Key words: Romanian Front, First World War, Chief of the army, army.

Es werden die Ursachen analysiert und der Hergang der Ereignisse rekonstruiert, die zur Niederlage der russischen Streitkräfte in Herbst 1916 sowie zur Bildung einer einheitlichen Alliierten-Front geführt haben.

Schlagwörter: Rumänische Front, Erster Weltkrieg, Oberster Befehlshaber, Armee.

В истории человечества, наверное, не было более драматического и бурного периода, нежели XX век. Несомненно, что одной из самых его трагических страниц была Первая мировая война. И хотя от тех событий нас отделяет почти 100 лет, интерес к её истории всё ещё не угасает. Количество работ по различным аспектам войны уже далеко перевалило за несколько десятков тысяч. Однако некоторые вопросы её истории ещё остаются слабо освещёнными. В частности, речь идет о происхождении «румынской катастрофы» и причинах образования Румынского фронта. Начальный период войны между Румынией и державами Центра рассматривался советской историографи-

ей преимущественно лишь с дипломатических и политических позиций [1; 4].

При изучении отдельных аспектов военной стороны проблемы главным источником являлись общие работы по военной истории Первой мировой войны. Следствием этого стали многочисленные ошибки и неточности. В настоящее время единственным специальным исследованием, рассматривающим военную сторону проблемы, является работа Ф. И. Васильева [3]. В то же время автору не удалось в полной мере охватить указанный период. Таким образом, до настоящего времени отсутствуют труды, в которых бы проблема создания единого союзного фронта в Румынии рассматривалась в военно-политическом аспекте, что и является целью данной статьи.

Достижение этой цели возможно при решении следующих задач: во-первых, исследовать причины поражения румынских вооруженных сил в начальный период боевых действий, во-вторых, восстановить реальную картину событий, повлекших за собой образование Румынского фронта, в-третьих, исследовать основные боевые операции русско-румынских сил на данном театре военных действий.

Для решения перечисленных задач были использованы принципы историзма, объективности, всесторонности освещения проблемы. Среди методов, которые были применены в работе над данной темой, следует назвать конкретно-исторический, логический, синхронистический.

С самого начала Первой мировой войны оба противоборствующих лагеря, осознавая стратегическое положение Румынии, стремились привлечь её на свою сторону. С этой целью дипломаты обоих блоков прибегали к щедрым территориальным посулам, причем иногда даже за счет земель своих союзников. Так, германская сторона, без согласования с Будапештом, в обмен на участие в войне предлагала румынам Трансильванию, что, как известно, вызвало бурный протест со стороны венгерского премьер-министра графа И. Тисы, в связи с чем данный вопрос был снят.

В целом же в ходе переговоров 1914–1915 гг. румынское руководство во главе с премьер-министром И. К. Брэтиану твердо решило выступить на стороне Антанты. Причиной этого решения было удовлетворение всех территориальных претензий Румынии, которых удалось добиться румынскому премьеру. Однако военная ситуация летом 1915 г. была крайне неблагоприятной для Румынии, и Брэтиану, нарушив всё свои обещания, попросту сорвал ход переговоров, выдвинув череду новых требований [1, с.143]. Такая тактика ведения переговоров, несомненно, не способствовала росту доверия к новому

союзнику у русской стороны, что впоследствии самым негативным образом сказалось на результатах всей будущей кампании.

Новый этап переговоров начался с февраля 1916 г., причем между будущими союзниками Румынии не было единого взгляда по поводу хода всей будущей кампании. Так, если военное руководство Англии и Франции полагало, что главной целью для румынской армии является разгром Болгарии, то русское видело её в проведении наступления в Трансильвании [9, Ф. 2003, оп. 1, д. 1149, л. 17]. В частности, в телеграмме генерала М. В. Алексеева генералу М. Жанену говорилось, что «требовать наступления румын сразу в двух направлениях трудно до выяснения обстановки, сначала все усилия должны быть направлены против Австрии; 150 тыс. на болгарской границе, несомненно, прикуют соответствующее число болгар» [9, Ф. 2003, оп. 1, д. 1178, л. 187]. Данное мнение фактического командующего русской армии совпадало с намерениями румынской стороны по занятию, прежде всего, Трансильвании. Ибо И. К. Брэтиану опасался, что державы Антанты после окончания войны не сдержат своих обещаний. Такая общая позиция Румынии и России вынудила их союзников на время оставить попытки продвижения плана разгрома Болгарии.

Исходя из опыта переговоров 1914–1915 гг., русская сторона изначально заняла достаточно жесткую позицию по поводу численного состава своих экспедиционных сил в Добрудже. М. В. Алексеев считал, что туда необходимо было направить лишь небольшое количество войск, «вполне достаточное для удержания фронта», поскольку «отправка на удаленный театр значительных сил не может соответствовать союзным интересам» [9, 2003, оп. 1, д. 1149, л. 17]. Позже «достаточное количество» нашло отображение в конкретной цифре в 50 тыс. человек. До этого одним из главных условий вступления Румынии в войну была отправка в Добруджу 200 тыс. русской армии (к лету 1915 г. эта цифра выросла до 500 тыс.). Для пресечения возможного торга румын русский военный агент А. А. Татаринов преднамеренно в тексте военной конвенции обозначил лишь посылку одной русской дивизии [9, Ф. 2003, оп. 1, д. 1178, л. 118]. Намереваясь постепенно довести их количество до приемлемых 50 тыс. человек. Его удивлению не было предела, когда в беседе с ним И. К. Брэтиану вообще не проявил никакого интереса к количеству русских войск [Там же, л. 118]. Это, на наш взгляд, доказывает серьезность намерений румынского премьера выступить на стороне Антанты летом 1916 г. Препятствием этому не могла послужить даже небольшая численность русских войск, выделенных для совместных действий в

Добрудже. В итоге, в Румынию первоначально был отправлен лишь один 47-й армейский корпус в составе 2-х пехотных и 1-й кавалерийской дивизии.

Впоследствии за принятие этого решения М. В. Алексева будет критиковать известный эмигрантский историк А. А. Керсновский. Он видел причину такой позиции генерала в ограниченности его стратегических воззрений и в неспособности увидеть перспективу образования нового фронта. Вследствие этого, по его мнению, туда и были отправлены незначительные силы [5, с. 100]. На наш взгляд, причиной отправки такого количества русских войск послужило также то, что предложение союзников фактически предусматривало перенос активных военных действий с Восточного фронта на Балканский театр боевых действий. Это меняло уже утвержденный Ставкой план военной кампании на 1916 г. Кроме того, генерал М. В. Алексеев опасался возможного уклонения от выполнения своих обещаний со стороны И. К. Брэтиану.

К концу лета 1916 г. переговоры вновь затянулись из-за стремления Брэтиану выторговать для Румынии еще и бассейн Тисы и Баната после победы над державами Центра [4, с. 77]. Возмущению русской стороны не было предела. Однако союзники вынудили Россию пойти на удовлетворение и этого требования. Только 3 августа 1916 г. между Румынией и державами Антанты в Бухаресте были подписаны политические и военные конвенции. Согласно их содержанию, Румыния брала на себя обязательства объявить войну Австро-Венгрии, а также не заключать мира в одностороннем порядке [4, с. 77]. Русская сторона должна была направить в Добруджу свои войска (47-й армейский корпус). Союзники же обязывались за 8 дней до вступления Румынии в войну начать наступление на Салоникском фронте. 14 августа 1916 г. румынский посланник в Австро-Венгрии вручил канцлеру И. Буриану декларацию о войне.

Советскими историками принято было рассматривать время выступления Румынии как неудачное, поскольку наступление на Восточном фронте к тому времени было приостановлено [1, 4]. Это, наряду со слабостью румынской армии, плохим командованием, в конечном итоге и привело, по мнению В. Н. Виноградова и В. А. Емца, к разгрому румынской армии [1; 4]. Однако следует учесть тот факт, что уже с конца августа 1916 г. боевые действия в полосе Юго-Западного фронта возобновились. В письме от 17 августа командующему Северного фронта Н. В. Рузскому начальник Штаба Верховного Главнокомандующего М. В. Алексеев отмечал, что цель будущего наступления «разгромить Австро-Венгрию и разрушить её союз

с Германией» [Цит. по: 7, с. 33]. Таким образом, Ставка Верховного Главнокомандующего не отказалась от активных действий и дальнейший ход событий это подтверждает. Причиной этого являлось то, что М. В. Алексеев считал, что судьба войны решится только в результате успешного наступления Юго-Западного фронта [9, Ф. 2003, оп. 1, д. 1149, л. 18]. Это, в свою очередь, и должно было привести, по его мнению, к «разрешению румынского вопроса» [6, с. 360–363]. Именно эта позиция высшего военного руководства России и послужила в конечном итоге причиной поражения румынской армии, а не неудачное время, выбранное И. К. Брэтиану для вступления в войну. Ситуация усугублялась ещё тем, что, отправив в Румынию незначительное количество войск, Русская ставка лишала себя возможности влиять на румынское руководство при принятии военных решений. К тому же союзникам так и не удалось выработать четкого механизма взаимодействия в процессе переговоров 1914–1916 гг. Фактически Румынская Главная Квартира действовала самостоятельно, изредка принимая советы своих союзников по Антанте. И это с учетом того, что в русской Ставке прекрасно знали о слабой подготовке румынского офицерского состава и весьма расплывчатых представлениях румынского генералитета о методах современной войны. Подтверждением этого являются как разведанные, так и записки должностных лиц, рапорты русских военных агентов в Румынии [9, Ф. 2000, оп. 1, д. 3142 л. 54–58, Ф. 2085, оп. 1, д. 19 л. 1–5].

Полностью мобилизованная румынская армия достигала численности 630 тыс. человек, причем в запасе имелось ещё около 420 тыс. рекрутов [1, с. 174]. Слабой стороной армии, помимо выучки офицеров и солдат, являлось её вооружение. Из 1330 орудий современных было лишь 800. Не хватало пулеметов, число которых в полках максимум доходило до 6, а в некоторых их не было вовсе [1, с. 176–178]. Для сравнения: в русской армии было до 25 единиц на полк, в немецкой – до 50. Румынская армия нуждалась буквально во всем: от шинелей до подков для лошадей. Румынские силы состояли из 1-й и 2-й армий на фронте в Трансильвании, Северной армии в молдавских Карпатах, и 3-й армии, оборонявшей страну со стороны Болгарии. Русский же экспедиционный 47-й армейский корпус (61-я и Сербская пехотные, 3-я кавалерийская дивизии) находились на Добруджском фронте.

Поначалу боевые действия румынских войск складывались достаточно успешно. Им даже удалось занять Германштадт. Это позволило русскому командованию продолжать наступательные операции

Юго-Западного фронта. Однако Австро-Германскому командованию удалось достаточно быстро перебросить на новый фронт значительное количество войск. Так, в Трансильвании были сосредоточены 9-я немецкая армия (7 дивизий) генерала Э. Фалькенгайна и 1-я австрийская армия генерала А. А. Штрауссенбурга (6 пехотных и 3 кавалерийских дивизии). Со стороны Болгарии против румынско-русских сил действовала группа генерала А. Макензена (8 дивизий), в которую входили, наряду с немецкими, болгарские и турецкие дивизии [1, с. 182–183].

План Центральных держав по разгрому румынских армий включал в себя несколько фаз. Первая предусматривала нанесение удара группой генерала А. Макензена. Его войскам уже 22 августа 1916 г. удалось захватить румынскую крепость Туртукай, а 26 августа пала Силистрия. Как и ожидало немецкое командование, румынская Главная Квартира приостановила наступление в Трансильвании и начала спешно перебрасывать резервы с севера. Затем 9-я немецкая армия перешла в наступление в Трансильвании. Её целью было уничтожение 1-й румынской армии. Но немецкое командование не учло сложность ведения боевых действий в горной местности и Э. Фалькенгайну не удалось реализовать план наступления в полной мере. Всё свелось лишь к выдавливанию к 20 сентября 1916 г. 1-й румынской армии за Германштадт.

Несмотря на скромные результаты военной операции, психологический эффект от её проведения был очень высок. Немецкому командованию удалось посеять паническое настроение в среде румынского военного и политического руководства. Так, уже 25 сентября 1916 г. в русской ставке была получена телеграмма от И. К. Брэтиану с требованием «срочного мощного русского вмешательства в Трансильвании» [9, Ф. 2003, оп. 1, д. 60, л. 29]. В связи с этим начальник Штаба Верховного Главнокомандующего генерал М. В. Алексеев только сокрушался по поводу «излишней нервозности румын» [1, с. 185]. Он не мог понять, как в горной стране, имея заранее подготовленные рубежи, румыны не могли сдержать наседавшего противника. Советский исследователь В. Н. Виноградов связывал это с тем, что М. В. Алексеев мыслил с позиции академической стратегии, которая в отношении румынской армии была неприемлема [1, с. 185]. С этим нельзя не согласиться. Но исходя из содержания разговора по прямому проводу от 21 сентября 1916 г. между М. В. Алексеевым и начальником Штаба Юго-Западного фронта генералом В. Н. Клембовским, можно сделать вывод, что М. В. Алексеев уже осознал в тот

момент необходимость приостановки наступления Юго-Западного фронта и посылки в Румынию дополнительных войск [7, с. 39]. Но, поддавшись на уговоры В. Н. Клембовского и учитывая мнение командующего Юго-Западного фронта генерала А. А. Брусилова (о необходимости продолжения наступления), М. В. Алексеев не стал отменять дальнейших наступательных операций фронта. Он тщетно надеялся на достижение положительных результатов Юго-Западным фронтом, которые бы сделали ненужным перенос главных военных усилий на Румынский театр. М. В. Алексеев всегда полагал, что судьба Румынии будет зависеть от успеха наступления на Восточном фронте [6, с. 360–363].

Однако это было ошибочное суждение, ибо к этому времени войска Юго-Западного фронта уже израсходовали все запасы тяжелых снарядов в предыдущей фазе наступления. В отсутствие значительного их количества наступательные операции в полосе этого фронта превратились в войну на истощение человеческих ресурсов русской армии.

С целью ослабить натиск австро-немецких войск в Трансильвании в Карпаты была переброшена 8-я русская армия. Но существенных результатов это не принесло. К концу сентября 1916 г. военная ситуация в Румынии стала усугубляться начавшимся прямым вмешательством союзников России. Так, 25 сентября генерал Ж. Ж. Жоффр в телеграмме М. В. Алексею, признавая необходимость приостановки наступления в Трансильвании, настаивал на проведении наступательных операций против Болгарии [9, Ф. 2003, оп. 1, д. 60, с. 9 об.]. Очевидно, до французского главнокомандующего дошли слухи о том, что немцы, якобы с помощью турок, наберут до 20 дивизий и перебросят их в Румынию [Там же, л. 28]. М. В. Алексеев же сомневался, что румыны самостоятельно смогут провести подобные операции. И у него были на то основания, поскольку незадолго до этого, поддавшись уговорам французской стороны, румынский генерал А. Авереску составил достаточно авантюрный план: переправиться через Дунай и соединиться с Салоникской армией [1, с. 181]. Теоретически данный план мог быть осуществим, но реализация его была чисто в «румынском стиле». По свидетельству непосредственного участника этих событий, командующего Добруджской армией генерала А. М. Зайончковского, «к операции этой готовились с таким шумом и громом, что о ней стало известно не только болгарам, но и всему свету» [9, Ф. 2003, оп. 1, д. 516, л. 24]. М. В. Алексеев как мог отговаривал генерала А. Авереску от проведения этой операции,

но уверовавший в победу румынский военачальник никого не хотел слушать.

Несмотря на такую позицию М. В. Алексева, Добруджская армия все же была привлечена к этой операции. Для этого в период с 18 по 20 сентября 1916 г. русские войска проводили наступательные бои по всему фронту. Более детальное описание начального этапа операции, а именно переправы через Дунай, можно найти в работе непосредственного участника описываемых событий австрийского морского офицера О. Р. Вульфа. По его словам, австрийские мониторы «Viza» и «Barsch», несмотря на опасность от поставленных румынами мин, подошли на расстояние 200 м и начали расстреливать как сам мост, так и уже часть переправленных войск неприятеля. В начавшейся панике войска, находившиеся на мосту, начали спастись бегством. Румынская артиллерия пыталась противодействовать австрийским мониторам и даже добилась попаданий в них. Но мост всё равно был повреждён и переход по нему войск стал невозможен [2, с. 52]. Это обрекало на гибель уже переправившиеся румынские войска. Авереску скрыл от своих союзников поражение, сообщив А. М. Зайончковскому, что он отменил операцию вовсе [9, Ф. 2003, оп. 1, д. 516, л.25]. Командующий Добруджской армией продолжил наступательные операции, и в период с 21 по 23 ему удалось потеснить болгар на 10–15 км [Там же, л. 25].

Очевидно, союзники также в тот момент ничего не знали об «успехах» А. Авереску, поскольку в телеграмме генералу М. В. Алексеву от 21 сентября 1916 г. генерал Ж. Ж. Жоффра сообщал: «Войска эти втянулись в боевые действия. Авангардная дивизия переправилась через Дунай, сосредоточены значительные силы ... с целью развития этой операции ведутся наступательные действия в Добрудже. В то же время Восточная армия (Салоникская армия) энергично продолжает свои атаки, заставляя болгар очищать свои окопы. Ясно, что если эти операции, счастливо начатые, будут успешно продолжены, то Центральные державы окажутся под угрозой уничтожения Болгарии» [9, Ф. 2003, оп. 1, д. 60, л. 8]. Однако оптимизм генерала Ж. Ж. Жоффра был преждевременным.

Катастрофическое положение Румынии, в котором она оказалась на этот момент, было обусловлено несколькими факторами: во-первых, это бездарное командование румынскими войсками; во-вторых, существенные противоречия между союзниками Румынии по поводу дальнейшего хода боевых действий; в-третьих, отсутствие единого командования и, как следствие, несогласованность действий

союзных войск. Всё это также усугублялось тем, что М. В. Алексеев, четко осознавая необходимость прямой помощи Румынии, не смог отказаться от желания решить эту проблему, добившись победы на Юго-Западном фронте.

Тем временем союзные австро-немецкие войска к 29 сентября 1916 г., оттеснив румынские войска к границе, завершили Кронштадтскую операцию. С этого момента ситуация уже требовала непосредственной отправки дополнительных русских войск в Румынию. Это положило конец дальнейшим планам по развитию наступательных операций Юго-Западного фронта [1, с. 40–41]. Это вынуждено было признать русское командование, заявившее в этот период, «что центр тяжести событий ближайшего периода войны временно перемещается на румынский фронт» [9, Ф. 2003, оп.1, д. 60, л. 105]. Далее М. В. Алексеев в своей телеграмме от 29 октября отмечал: «На нас ложится обязанность сохранить Румынию и её армию, парализовать намеренья противника, обеспечить вместе с тем собственные губернии юга империи» [Там же, л. 105].

Необходимость таких действий слишком поздно стала очевидна русской ставке. Теперь даже отправкой двух корпусов было сложно исправить положение, так как их следовало для начала еще доставить по единственной железнодорожной ветке, связующей Румынию и Россию. Для этого, по самым скромным подсчетам, потребовалось бы не меньше полумесяца [1, с. 186].

Немецкое же командование в это время было озадачено проблемами другого рода, не зная каким образом дальше развивать военные действия. Предпочтительным для него было нанесение одновременного удара со стороны Карпатских перевалов и с юга, через Дунай. Но для задуманного явно не хватало сил. К тому же необходимо было время для перегруппировки сил [8, с. 284–285].

Однако колебание было недолгим и уже к 6 октября генерал А. Макензен, сосредоточив до 14 дивизий, против 4 русских и 4 румынских, прорвал расположение войск генерала Зайончковского у Кабадина [5, с. 103]. 10 октября была занята Констанца. Русские и румынские войска отступили к линии Остров – оз. Головица, что не на шутку встревожило русскую Ставку. Из частей бывшей Добруджской армии, усиленных подкреплениями, была образована Дунайская армия. Одновременно с этим началась переброска войск 9-й русской армии в молдавские Карпаты. Командование же этими русскими силами было возложено на генерала А. А. Брусилова, явно обеспокоенного тем хаосом в управлении войсками, который царил на этом фронте.

Генералу В. В. Сахарову, назначенному вместо А. М. Зайончковского, удалось стабилизировать ситуацию, сложившуюся на фронте Дунайской армии. Сводная румынская, сербская и 115-я пехотные дивизии были отведены в резерв, поскольку к тому времени эти соединения были крайне дезорганизованы. Кроме этих частей, в состав фронта в тот момент входили: 9-я и 10-я стрелковые сибирские, 3-я стрелковая, 61-я, 40-я, 30-я пехотные, 3-я и 8-я кавалерийские дивизии [9, Ф. 2085, оп. 1, д. 15, л. 1.]. Этими силами было предпринято широкое наступление по всему фронту с целью вновь овладеть линией Черноводы – Констанца. В начале наступления боевые действия развивались достаточно успешно. Войска даже вышли к линии Кара Калакиой – оз. Ташуль. Но начавшееся Бухарестское сражение вынудило русских остановить наступление, и войска были отведены на прежние позиции на линию Остров – оз. Головица [Там же, л. 1 об.].

К середине ноября 1916 г. положение на румынском театре боевых действий складывалось следующим образом. Намереваясь оборонять столицу, румынское командование сосредоточило свои войска в Бухарестском районе. Эти войска состояли из 1-й армии и Дунайской группы, развернутых против групп Э. Фалькенгайна и А. Макензена, а также 2-й армии, которая прикрывала Валахию с севера против армии А. А. Штрауссенбурга. Общее руководство было возложено на генерала К. Б. Презана. Численность противников была примерно равна (до 15 дивизий с каждой стороны). Однако речь уже шла не о количественном превосходстве, а о качественном. К тому же румынские силы охватывались с трёх сторон, что грозило, в случае неудачи, их полным уничтожением.

Эту опасность осознал командующий русскими войсками в Румынии генерал А. А. Брусилов. Так, в телеграмме М. В. Беляеву он отмечал, что «...при существующей обстановке давать разбитым войскам полево́е генеральное сражение победоносному, вдвое сильнейшему противнику было бы безумием, ибо неминуемо подобный образ действий повлечет за собой полное уничтожение румынской армии» [Цит. по; 1, с. 186–187]. Но румынское военное руководство решило не оставлять столицу. В этом оно было поддержано главой французской военной миссии генералом Бертело (недавно прибывшей в Румынию). Формально главными задачами миссии были координация военных действий союзников и помощь в разработке военных операций. Но в действительности в Париже были обеспокоены ростом политического влияния русской стороны на военное румынское руководство.

Несмотря на свое негативное отношение к планам обороны Бухареста, русское командование тем не менее привлекло части Дунайской армии к участию в операции. Для этой цели с Добруджского фронта были сняты части 4-го армейского и 6-го конного корпусов. Туда же должны были быть направлены и все прибывающие части (2 и 15 пехотные дивизии, 3 конный корпус) [9, Ф. 2085, оп. 1, д. 15 л. 1 об.]. Но из-за слабой пропускной способности румынских дорог прибытие этих частей на фронт задерживалось. Многие русские части для прибытия в район своего сосредоточения вынуждены были проделывать многокилометровые марши, что крайне изматывало солдат. Так, 3-й конный корпус от Буковины до Бухареста преодолел походным порядком более 500 км [5, с. 104]. Кроме того, русские войска испытывали недостаток в продовольствии и фураже, поэтому интенданты вынуждены были закупать все необходимое у местного населения. Румынские крестьяне из страха перед немецким вторжением продавали даже посевной материал. Это не на шутку встревожило местные власти [9, Ф. 2085, оп. 1, д. 285, л. 34, 39, 41, 63].

Бухарестское сражение началось 14 ноября. Румынские войска оказывали яростное сопротивление. Однако сказывалось бездарное командование ими. Так, в решительный момент контрнаступления, 16 ноября командующий ударной румынской группой генерал Соцек, никого не предупредив, запаниковал и сбежал в Бухарест [5, с. 105]. 20 ноября неприятельскими войсками был занят Бухарест, а 23 ноября, прорвавшись на Плоешты, противник перехватил главный путь отступления румынских войск. Под Какорештами неприятельскими войсками была взята в плен вся левофланговая группа 2-й румынской армии. Остатки румынских армий отступали в направлении на Бузео. Ввиду того, что части 4-й русской армии еще только начали прибывать, создалась реальная угроза прорыва всего фронта, спешно созданного русским командованием за Бухарестом. Так, 25 ноября в докладе начальнику Штаба Верховного Главнокомандующего генерал В. В. Сахаров не исключал не только занятия неприятелем Бузео, но и даже прорыва за Рымнику – Сэрат. Противостоять неприятельским войскам было нечем, резервы везли по железной дороге с такой скоростью, что генерал В. В. Сахаров совершенно на них не рассчитывал. Кроме того, прибывшие части 3-го корпуса и 40-й пехотной дивизии были крайне утомлены [9, Ф. 2085, оп. 1, д. 15, л. 6]. Однако русским войскам всё же удалось сдержать противника, и ситуация на некоторое время стабилизировалась.

Между тем состояние румынской армии было просто катастрофическим. По данным известного историка Ф. И. Васильева, на 3 декабря 1916 г. в строю оставалось около 70 тыс. сильно деморализованных румынских солдат [3, с. 108]. Общие же потери румынской армии в результате Бухарестского сражения составили около 25 тыс. убитыми и 65 тыс. пленными [5, с. 105].

Это вынудило российское командование полностью взять на себя образовавшийся новый Южный фронт. В его состав вошли Дунайская, переименованная в 6-ю, и 4-я русские армии, а также остатки румынских войск, сведенные во 2-ю армию. Главным препятствием для этого была медленная переброска войск, необходимых для удержания фронта. Русскому командованию пришлось выдвигать части 4-й армии походным порядком в район сосредоточения от конечных станций выгрузки российских железных дорог [9, Ф. 2085, оп. 1; д. 15, л. 6 об.].

Примечательно, что решение об образовании Южного фронта было принято еще до окончательного согласования с румынской стороной. Уже 24 ноября 1916 г. в телеграмме, направленной генералу В. В. Сахарову начальником Штаба Верховного Главнокомандующего генералом В. И. Гурко, говорилось, что румынские войска полностью поступают под русское командование [Там же; л. 4]. На должность главнокомандующего нового фронта предполагалось назначить генерала В. В. Сахарова. Это предложение было поддержано и А. А. Брусиловым. В частности, в разговоре по прямому проводу он заявил генералу Сахарову следующее: «Имея ввиду хаотическое состояние управления румынскими войсками, как раз вклинившимися между нашими, я далее управлять войсками Румынского фронта не могу... помощником же с правами главнокомандующего предполагается назначить вас» [Там же, л. 5].

Буквально на следующий день, 25 ноября 1916 г., Николай II подписал приказ о формировании нового Южного фронта. Главнокомандующим формально было принято считать Фердинанда I, фактическим же командующим стал генерал В. В. Сахаров [Там же, л. 4 об. – 5].

Проект будущей структуры командования этого фронта сводился к следующему: 1) король Румынии брал под свое командование русские и румынские войска; 2) директивы, которые касались ведения боевых действий, тылового снабжения, оперативного руководства войсками и т. д., должны были исходить из Штаба Верховного Главнокомандующего Императора Николая II; 3) общее руководство войсками должно осуществляться помощником главнокомандующе-

го, русским генералом [9, Ф. 2003, оп. 1, д. 520, л. 49–50]. Отдельно был оговорен пункт, предусматривающий вывод российских войск с Южного фронта без согласования с Фердинандом I, если в этом возникнет необходимость. 30 ноября 1916 г. данный проект был представлен королю Румынии и получил его одобрение [Там же, л. 53].

Понадобилось два года переговоров и всего 4 месяца войны, чтобы русское командование осознало необходимость прямого руководства румынскими войсками. Значительно уменьшился и пыл румынского генералитета. Так, румынский генерал А. Авереску в это время оставил следующую запись в своем дневнике: «У меня впечатление, что передачей высшего руководства фактически в руки русских дела пойдут лучше. Кончится дилетантизм, и чувство реальности придет на смену теоретическим метаниям» [Цит. по: 1, с. 189].

Однако дела оставляли желать лучшего. В попытке стабилизировать фронт русское военное командование обратилось за помощью к союзникам по Антанте. Но, по мнению последних, ситуация коренным образом изменилась, и в задачу Салоникской армии должно было входить лишь сдерживание неприятельских войск и нейтрализация возможной угрозы со стороны Греции. Задача же России была достаточно скромная и, по мнению генерала У. Р. Робертсона, состояла в остановке немецкого вторжения в Румынию. На заявление же русского представителя, что только немедленное и энергичное наступление Салоникской армии может действительно облегчить положение России и Румынии, был получен достаточно лаконичный ответ: «Силы армии недостаточны, проведение наступательных операций невозможно» [9, Ф. 2003, оп. 1, д. 1149, л. 58].

В целом к началу декабря 1916 г. расположение русско-румынских сил было следующим. На фронте от горы Ботому до Черного моря располагались: 9-я армия до долины реки Касина, 2-я румынская армия до долины Завале, 4-я армия далее до Раковицены и 6-я (бывшая Дунайская) от Раковицены до Черного моря. Причем 9-я армия по-прежнему входила в состав Юго-Западного фронта. Прочие же армии образовывали Румынский фронт, который считался сформированным с 12 часов дня 3 декабря 1916 г. [9, Ф. 2003, оп. 1, д. 63, л. 114].

В тот же день боевые действия возобновились. Противник, численностью около бригады, предпринял атаку на позицию 9-го и 12-го полков бригады генерала А. Г. Ушакова, 3-й стрелковой дивизии, войска которой из-за каменистой местности не смогли должным образом подготовить оборонительный рубеж. Под напором противника войска начали отходить, причем была потеряна связь со штабом дивизии [Ф. 2270, оп. 1, д. 58, л. 42]. Это крайне обеспокоило коман-

дира 3-й стрелковой дивизии Н. А. Абжолтовского, прибывшего на место для того, чтобы лично разобраться в ситуации. Но к тому времени уже наступила ночь и об организации какой-либо контратаки и речи быть не могло. Это вынудило командира дивизии начать отход.

Основной же причиной случившегося, по мнению Н. А. Абжолтовского, являлось: превосходство противника в артиллерии (7 неприятельских батарей против 3-х русских, 2 мортирных батареи к бою подготовиться не успели), условия местности, покрытой лесом и кустарником, что затрудняло управление, а также усталость солдат (части дивизии перед этим совершили два утомительных перехода) [Там же, л. 49]. Поначалу потери показались огромными, но в течение 4–5 декабря подтягивались все новые партии отставших от своих полков людей. В итоге потери составили: убитыми 38 чел., ранеными 67 чел., без вести пропало 923 чел. [Там же, л. 49 об.]. Данный прорыв противника не на шутку встревожил командование 47-го корпуса, которое отдало приказ отвести части на позицию Туркоиа – Бабадах. Однако командующий фронтом не считал данное положение критическим, поскольку полагал, что наступление противника – это всего лишь попытка разведать обстановку на фронте 6-й армии [9, Ф. 2085, оп. 1, д. 15, л. 2]. Последующие события опровергли это мнение.

Уже 8 декабря противник вновь нанес удар по 47-му корпусу, результатом которого были вновь значительные потери. Командующий 6-й армии генерал А. А. Цуриков запросил разрешения у В. В. Сахарова отойти на левый берег Дуная. Но последний полагал такой отход преждевременным [9, Ф. 2085, оп. 1, д. 15, л. 2 об.]. Более того, по его мнению, части 47-го корпуса, отступая, заняли выгодную позицию против Браилы и Исакчи, что позволяло нанести несколько коротких ударов по противнику.

Для этого командующий считал возможным выделить дивизию резерва. Однако генералом А. А. Цуриковым было заявлено, что ему необходимо по меньшей мере два корпуса и взять их было неоткуда. Следует отметить, что у генерала А. А. Цурикова были причины для такого панического настроения, поскольку в период боев 3–11 декабря 61-я и 3-я стрелковые дивизии потеряли до половины своего состава, исключением была лишь 115-я дивизия, потери которой составили чуть больше тысячи человек [9, Ф. 2270 оп. 1, д. 58, л. 78, 79, 90]. Учитывая всё это, В. В. Сахаров всё же разрешил частичный отход за р. Дунай [9, Ф. 2085, оп. 1, д. 15, л. 2 об.].

Тем временем 5–8 декабря войска немецких генералов Моргена и Крафта нанесли удар в стык российских 9-й и 4-й армии в долине

реки Путны. Но командарм П. А. Лечицкий организовал контрудар силами 24-го армейского корпуса и противник был отброшен.

Эта неудача заставила генерала А. Макензена принять решение о нанесении 11 декабря 1916 г. удара по 4-й армии в направлении на Рымнику – Сэрат. Он пришелся на части 34-й и 15-й пехотной дивизии (в стык 7-го и 8-го армейских корпусов). Как следует из доклада начальника 34-й дивизии генерала Н. П. Стремоухова, последняя выдержала удар, но из-за начавшегося отхода 15-й дивизии вынуждена была также начать отступление [9, Ф. 2085, оп. 1, д. 15, л. 115–118]. Обстоятельства этого отступления стали предметом разбирательства командования 4-й армии. Учитывая превосходство противника в тяжелой артиллерии, действия генерала Н. П. Стремоухова были признаны правильными [Там же, л. 63]. Последствием этого прорыва стал с 15 декабря 1916 г. общий отход всех войск Румынского фронта на новые рубежи. Следует отметить, что противник не имел численного превосходства над войсками фронта. Так, 11 декабря на фронте были сосредоточены следующие силы: 254 батальона русско-румынских войск, в которых насчитывалось до 200 тыс. штыков, против 335 батальонов войск центральных держав, в которых было до 230 тыс. штыков [Ф. 2003, оп. 1, д. 63, л. 113]. Но применяя свой излюбленный прием – удары в стык неприятельских войск – немецкому командованию удавалась, в буквальном смысле, выдавливать русские части, принуждая их к отступлению.

В целом же бои местного значения продолжались до начала января 1917 г., после чего фронт стабилизировался. Несмотря на то что командованию фронта не удалось удержать первоначальные рубежи, дальнейшее продвижение противника было остановлено. Но за это пришлось заплатить дорогую цену. Масштаб людских потерь характеризует следующая таблица.¹

Армии	Убито	Ранено	Контужено	Отравлено газами	Пропало без вести	ВСЕГО
4-я армия	920	6299	126	9	2350	9704
6-я армия	2357	9344	1300	–	4939	17940
9-я армия	1394	7036	–	–	4879	15086
2-я армия (румын.)	1394	4461	1021	–	1475	8386
ИТОГО	6065	27140	2447	9	13643	51116

¹ Составлена автором по Ф. 2085, оп.1, д. 15, л. 223–235.

Общие же потери сторон за весь период август – декабрь 1916 г. болгарских, немецких, турецких и австрийских войск составили: 8 тыс. убитыми, 40 тыс. ранеными и 30 тыс. человек пропавшими без вести. Румынская сторона потеряла убитыми 17 тыс., 56 тыс. ранеными и 237 тыс. пропавшими без вести [7, с. 45].

Несмотря на такие громадные потери, румынская армия не была полностью уничтожена. Наиболее боеспособные её части (6 пехотных дивизий и 2 кавалерийские бригады, 41222 тыс. штыков и сабель) были оставлены для удержания небольшого участка фронта [9, Ф. 2085, оп. 2, д. 37, л. 10]. Остальные части были отведены в тыл для переформирования, закончившееся лишь к июню 1917 г. До этого времени основная работа по удержанию фронта была возложена на русские войска.

Примечательно, что, стянув на данный участок фронта громадное количество войск, русское военное руководство так и не увидело перспектив их использования. На заседании Ставки 17–18 декабря 1916 г., целью которого была выработка плана кампании на 1917 г., вновь первостепенное значение отдавалось наступательным операциям Юго-Западного фронта. Войскам же румынского фронта ставилась лишь задача овладеть Добруджей и то, «если сложатся благоприятные обстоятельства» [9, Ф. 2003, оп. 1, д. 63, л. 129–131].

Таким образом, поражение Румынии в начальный период было связано не только с чисто военными факторами, но было результатом стратегических просчётов её союзников. Признавая необходимость открытия нового фронта, страны Антанты так и не смогли выработать единой позиции в отношениях с румынской стороной. В результате русское командование, не желая ломать собственного плана военных действий, пошло на поводу у Брэтиану, поддерживав стремление последнего к захвату Трансильвании; хотя ситуация требовала фактически переноса главных усилий с Восточного театра военных действий на Балканский. Когда же стало очевидно, что поражение румынских войск неотвратимо, переброской дополнительных сил сложно было что-то исправить.

Положение начало усугубляться соперничеством Франции и России за политическое и военное влияние на румынское руководство. Даже перед угрозой поражения союзникам не удалось выработать единого плана по обороне ещё не занятых противником территорий страны. Результатом такой несогласованности действий стал окончательный разгром румынских вооружённых сил. Только после этого русская Ставка проявила решительность в вопросе образования еди-

ного союзного Румынского фронта, ставшего вторым по численности (после Юго-Западного) на Восточном театре военных действий, но совершенно бесполезного к тому времени со стратегической точки зрения. И хотя потери русских вооруженных сил, понесенные в этот период в Румынии, на фоне громадных потерь Юго-Западного фронта кажутся мизерными, сам факт поражения имел далеко идущие последствия. Переброска войск вызвала перегрузку железнодорожного транспорта, проходившую на фоне нарастающего продовольственного кризиса и дороговизны. К тому же, если в целом неудачное наступление Брусилова удалось скрыть от общественности, то «катастрофа в Румынии» вскрыла противоречия, существовавшие в блоке держав Согласия, а также вызвала сомнения в российском обществе по поводу способности военного руководства России привести её к победе в этой войне.

Для Центральных держав результаты кампании в целом тоже были достаточно противоречивы: с одной стороны, они получили доступ к ценным ресурсам (это позволило, в частности, Германии начать неограниченную подводную войну уже с февраля 1917 г.), с другой стороны, им пришлось пойти на создание еще одного фронта. А это в условиях относительной пригодности болгарских и турецких войск для Германии и Австро-Венгрии было равносильно поражению. Для союзников России выгода была тоже достаточно сомнительна. Фактически они оказались перед угрозой возможного выхода из войны своего главного союзника. Это в условиях, когда США ещё не дали окончательного согласия на вступление в войну на стороне Антанты. Исходя из анализа документальной базы исследования следует, что некоторые аспекты деятельности военной французской миссии в Румынии, позиции военного руководства России по поводу вступления Румынии в Антанту требуют дальнейшей разработки с привлечением более широкого круга источников.

Библиографические ссылки

1. *Виноградов В. Н.* Румыния в годы Первой мировой войны [Текст] / В. Н. Виноградов. – М., 1969.
2. *Вульф О. Р.* Австро-Венгерская Дунайская флотилия в Мировую войну [Текст] / О. Р. Вульф. – СПб., 2004.
3. *Васильев Ф. И.* Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Румынский фронт [Текст] / Ф. И. Васильев. – М., 1922. – Ч. 8.
4. *Емец В. А.* Противоречия между Россией и союзниками по вопросу о вступлении Румынии в войну [Текст] / В. А. Емец // Исторические записки. – 1956. – Т. 56. – С. 53–90.

5. Керсновский А. А. История Русской армии [Текст] / А. А. Керсновский. – М., 2006. – Т. 4.
6. Международные отношения в эпоху империализма 1878–1917 гг. [Текст] / Авт.-сост. Й. М. Лукин, Ф. А. Роштейн, А. А. Могилевич. – М., 1938. – Серия 3. – Т. 10.
7. Нелипович С. Г. Брусиловский прорыв [Текст] / С. Г. Нелипович. – М., 2006.
8. Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. [Текст] / Э. Людендорф. – М., 2005.
9. Российский государственный военно-исторический архив [Текст]. – Ф. 2000, оп. 1, д. 3142; Ф. 2003, оп. 1, д. 60; д. 63; д. 516; д. 520; д. 1149; д. 1178; Ф. 2085, оп. 1, д. 15, д. 19, д. 285, оп. 2, д. 37; Ф. 2270, оп. 1, д. 58.

Надійшла до редколегії 25.02.2012

УДК 94 (477+430) – 058.232.6 «1920/1929»

В. Деннингхаус

Германский исторический институт

«АКТИВИСТЫ СЧИТАЮТ ПО ПАЛЬЦАМ»: ПОДБОР И РАССТАНОВКА КОМСОМОЛЬСКИХ КАДРОВ В НЕМЕЦКОЙ ДЕРЕВНЕ УКРАИНЫ в 1920-е гг.

Розглянуто питання про створення та діяльність комсомольських організацій в німецьких селах України в 1920-х рр.

Ключові слова: молодіжні організації, комсомол, німці, Україна, комунізм.

Рассмотрен вопрос о создании и деятельности комсомольских организаций в немецких селах Украины в 1920-х гг.

Ключевые слова: молодежные организации, комсомол, немцы, Украина, коммунизм.

The question of creation and activity of the Komsomol organizations in the German villages of Ukraine in the 1920s years is considered.

Key words: youth organization, Komsomol, the Germans, Ukraine, communism.